

CALENDAR GIRL

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

О Д Р И К А Р Л А Н

CALENDAR GIRL

Дано и счастье!!!

ОКТЯБРЬ / НОЯБРЬ / ДЕКАБРЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К23

Audrey Carlan
CALENDAR GIRL
October / November / December

Перевод с английского Юлии Зонис и Елены Лариной

Печатается с разрешения литературных агентств
Bookcase Literary Agency и Andrew Nurnberg

Оформление обложки Екатерины Елькиной

Карлан, Одри.
К23 Calendar Girl. Долго и счастливо / Одри Карлан ; [пер.
с англ. Ю. Зонис и Е. Лариной]. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-17-103209-8

Все очень просто. Мне нужен был миллион долларов. Именно столько у меня требовали за жизнь моего отца. Девять месяцев подряд я исполняла роль эскорта для тех, у кого в кармане были лишние \$100,000. Но откуда ни возьмись пришла помощь, и долг выплачен заранее.

Меня ждет новый вызов: я закручу роман с телевидением и попытаюсь стать звездой шоу-бизнеса. Личная жизнь тоже не даст расслабиться: мне придется спасти любимого от кошмарных воспоминаний и я встречу с матерью, бросившей мою семью пятнадцать лет назад. Как не дать прошлому сбить меня с пути?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-103209-8

© Calendar Girl – October / November /
December by Audrey Carlan, 2015
Copyright © 2015 Waterhouse Press, LLC
© Зонис Ю., перевод, 2017
© Ларина Е., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Октябрь

Дрю Хоффман

Это был долгий путь. Когда я только начинала, ты предложила помощь и советы в самый нужный момент. Спасибо тебе, что поделилась своими знаниями, оказала поддержку и стала мне другом. Я надеюсь, что тебе понравилась эта часть книги и уишь Дрю Хоффман.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*М*ишина. Вот что приветствовало меня, когда я вошла в дом Уэса в Малибу. *В свой дом.* Не знаю, чего я ожидала. Возможно, у меня была мысль, что Вселенная внезапно распахнется передо мной и подарит рай на Земле в виде моего мужчины, стоящего на американской земле, в полной безопасности, в тепле нашего дома. Потому что, в конечном счете, именно этим он и был. *Нашим* домом. Уэс твердо настаивал на том, чтобы я изменила свой образ мыслей относительно того, что Джин называла особняком в Малибу. В качестве другого варианта он предлагал найти что-нибудь новое, уже вместе. Этого я не хотела. Если по-честному, я готова была с головой погрузиться во все, что отождествлялось у меня с Уэсом. Целиком и полностью моим. Единственным в своем роде. Элегантным. Великолепным.

Уэс тяжело работал, чтобы достичь всего этого в столь юном возрасте. Он не был хвастлив или жаден. Чистые линии, непринужденная обстановка так и манили присесть и многое говорили о владельце дома. Шагая по темным, пустым комнатам, я восстанавливала связь с принадлежавшими ему вещами, но что-то изменилось. На сей раз что-то было по-другому. Я окинула комнату внимательным взглядом, замечая небольшие различия, появившиеся за те два месяца, что я не была здесь.

На каминной доске над отделанным камнем камином стояла небольшая статуэтка балерины, высотой сантиметров двадцать пять. Она вскинула одну ногу высоко над головой, придерживая ее руками за лодыжку, и стояла на носке второй ноги. Эта вещичка принадлежала моей матери. Мама тоже вставала на цыпочки, прогибалась назад и в точности показывала мне, как балерины выполняют это движение. Мать была танцовщицей в Вегасе, но до этого выступала в балете, классическом и современном. Мне нравилось смотреть на то, как она двигается. Занимаясь уборкой, она вальсировала под музыку, слышную лишь ей одной. Ее черные волосы, спадавшие до талии, темной мантией кружились вокруг нее. В пять лет я считала, что моя мама — самая красивая женщина на свете, и я любила ее больше всех. Моя любовь была явно не к месту, в отличие от статуэтки. На этой каминной доске она занимала почетное место, и как бы мне ни хотелось смахнуть фигурку, чтобы она упала и разбилась, я все же ее не тронула. Если бы мне не хотелось сохранить статуэтку, я бы давно подарила ее кому-нибудь. Иногда воспоминания ранят, даже самые прекрасные.

Развернувшись, я оглядела гостиную. На журнальном столике стояла знакомая мне фотография в рамке. Мэдди. За день до того, как она пошла в колледж. Я бродила за ней по школе, словно потерявший хозяев щенок. Мэдс, с другой стороны, скакала, держа меня за руку и размахивая нашими сжатыми руками. Мы переходили из аудитории в аудиторию, и она рассказывала мне обо всех курсах, на которые записалась, и показывала по программе, что будет на них изучать. Ее радость была невероятно бурной, и я купалась в этом восторге. Именно тогда я отчетливо поняла, что моя девочка, моя младшая сестренка, станет кем-то значительным. Она уже стала. Моя гордость за нее не знала границ.

Все дороги были открыты перед Мэдс, и ничто не могло ее удержать.

Следующим пунктом моего путешествия стала кухня. Здесь я обнаружила целый коллаж фотографий, прикрепленных магнитами к холодильнику. Отдельные снимки, которые я сняла с холодильника в своей крошечной квартире, висели теперь тут. Мэдди, Джинель, папа. А еще я заметила парочку новых. Тех, что я не распечатывала. Уэс и я. Одна с ужина, а еще селфи, которое мы сняли в постели и на котором видны были только наши лица. Их мог повесить сюда только Уэс. Вот оно, начало всего. Я провела пальцем по улыбке Уэса на фото. Такой уверенный, сексуальный, крепко прижимающий меня к себе в кровати. У меня сжалось в груди, и я потеряла больное место. Скоро. Скоро он будет дома. Мне надо верить. Довериться пути. Теперь, больше чем когда-либо раньше, мне надо было верить этим словам, вытатуированным у меня на ноге.

Перейдя в ту комнату, что стала нашей спальней, я застыла на месте, широко распахнув рот и выпучив глаза.

— Ох ты ж срань господня!

Замерев от восторга, я уставилась на изображение, глядевшее прямо на меня. Мое собственное изображение.

Это был последний портретный снимок, сделанный Алеком в феврале. Я стояла на обзорной площадке Спейс-Нидд и смотрела на раскинувшийся передо мной Сиэтл. Ветер дувал назад мои волосы, развевавшиеся смоляными локонами у меня за спиной. В тот день я чувствовала себя освобожденной. Свободной от бремени, которое отец невольно взвалил мне на плечи, свободной от необходимости становиться тем, кого желал видеть клиент, — все это ушло в тот единственный миг спокойствия. Я была просто Миа, девушка, впервые увидевшая красоту раскинувшегося перед ней ландшафта.

Я не могла в это поверить. Уэстон приобрел самую дорогую из работ, сделанных Алеком со мной в качестве модели. Обсуждая с Уэсом прошедший год, я в конце концов рассказала ему об Алеке. Разумеется, не самые пикантные детали, только основное. Я сделала акцент на картинах, на том, как каждая из них изменила меня, позволила ясней взглянуть на жизнь, на любовь и на саму себя. Мы лежали в постели, обнаженные, со сплетенными руками и ногами, и я рассказывала Уэсу, как многим обязана Алеку за этот урок. И насколько неправильным казалось брать у него деньги после всего того, что он дал мне, — хотя у меня не было выбора.

Вытащив телефон, я проглядела список контактов и нажала на кнопку вызова.

— Ma joie*, чем я обязан исключительной радости слышать твой голос? — ответил Алек тем мягким и страстным тоном, который напомнил мне о лучших, счастливых деньках, проведенных под этим французским развратником.

Развернувшись, я взобралась на кровать, уселась, скрестив ноги, и уставилась на картину.

— Я, э-э-э, я не могу поверить...

Не закончив фразу, я просто повернула телефон, щелкнула полотно Алека, отослала ему и вновь прижала мобильник к уху. Я услышала, как на другом конце линии тренькнуло мое сообщение.

— Mia, раге-моi**, с тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил Алек.

Впитывая каждой клеточкой тела красоту, висящую над кроватью Уэса — над нашей с Уэсом кроватью, — я ответила дрожащим голосом:

* Радость моя (фр.).

** Скажи мне (фр.).

— Проверь свои смс-сообщения.

— Я не поклонник такого способа общения, chérie*.

— Просто сделай это, — простонала я, надеясь, что хоть так сумею его убедить.

Я услышала несколько щелчков.

— Ах, mais oui, ты сейчас смотришь на себя, поп?

Бывают такие моменты, когда хочется дотянуться сквозь телефонную трубку и придушить того, с кем говоришь.

— Ты не понимаешь, Алек. Почему я смотрю на себя в спальне своего парня?

— Ma jolie, у тебя появился sorain? Парень? — ахнул Алек.

Его раскатистое французское «р» почти заставило меня забыть о его раздражающей непонятливости.

— Ты наконец-то решила связать с кем-то свою жизнь. Félicitations! — поздравил меня Алек, но при этом так и не ответил на вопрос, откуда здесь взялась его работа.

— Алек, милый, я прошу минутку внимания! — рявкнула я.

Он хмыкнул.

— Ох, chérie, я всегда уделяю тебе внимание. Особенно когда ты рядом и обнажена. Я в точности помню, каково это было — держать тебя в своих объятиях весь тот месяц. А ты помнишь, oui?

— Алек, я сейчас не склонна предаваться воспоминаниям. Мне нужны ответы. От тебя. Каким образом эта картинка оказалась здесь, в моей спальне?

Алек издал короткий смешок, а затем вздохнул.

— Всегда хочешь все знать. Может, это задумывалось как сюрприз, compte tenu de votre amant.

* Дорогая (фр.).

Мой французский слегка заржавел, поскольку я больше не учила язык и в последнее время не особенно часто говорила с Алеком по телефону, но, если в общем, он предположил, что мой возлюбленный решил сделать мне сюрприз.

— Уэс купил ее?

— Не совсем.

Выпрямив спину, я стиснула зубы так крепко, что смогла бы разгрызть парочку камней.

— Не время для скромности, Алек. Давай уже, французик, колись.

В трубке раздался сдавленный звук, словно художника тошнило.

— Колоться? Мерзкая привычка, и я уж точно не собираюсь этим заниматься.

Закатив глаза, я плюхнулась спиной на кровать.

— Алек... — предостерегающе проговорила я.

— Твой любовник не платил за картину, — отчетливо произнес он.

— Так как же она здесь оказалась?

Вытянуть информацию из моего француза, когда он явно не хотел отвечать, было сложнее, чем заставить мужчину оттянуть приближающийся оргазм после нескольких серьезных раундов траха. То есть в принципе невозможно.

В конце концов он вздохнул.

— Ma jolie, я буду честен с тобой, oui?

Можно было подумать, что он нуждался в ответе — он и так знал, чего я хочу, но тем не менее я ответила:

— Oui. Merci.

— Твой любовник связался с моим агентом. Он хотел приобрести «Прощай, любовь». Но я отказывался продавать ее.

Это меня удивило. Художник, создающий картины специально на продажу, чтобы показать их всему миру, вдруг отказался продавать свою работу.

— Почему? Это бессмысленно.

Он снова неопределенно хмыкнул.

— Просто так. Я люблю тебя, и мне хотелось, чтобы на твою красоту любовались достойные ее люди. У меня были правила, касающиеся каждой картины. И с двумя работами я не собирался расставаться.

— И с какими же именно двумя?

Его голос стал тише, перейдя в сексуальное воркование, знакомое мне даже слишком хорошо.

— Мне нравится смотреть на нас в наш момент любви. Я повесил «Нашу любовь» в своей берлоге на вилле во Франции. *Je ne pouvais pas m'en séparer*, — сказал Алек, и я принялась судорожно рыться в памяти, пытаюсь составить из его слов нечто осмысленное.

Насколько я поняла, он утверждал, что не в силах расстаться с ней.

— Алек, но это глупо, — рассмеялась я. — Вся суть выставки состояла в том, чтобы поделиться своим искусством.

— Ах-х, но я хочу, чтобы каждый день на нее смотрели лишь достойные. Я продал остальные, но каждая из них ушла к покупателям, которых я проверил и с которыми лично поговорил.

Я покачала головой и облизнула пересохшие губы. Внутри меня бурлили эмоции: картина, разговор с Алеком, тоска по Уэсу. Казалось, что в душе у меня прогулялся смерч. Я пыталась собрать воедино разрозненные куски мыслей и чувств, но что-то тут не складывалось.

— А эта картина? Как она здесь очутилась?

– Я поговорил с твоим Уэстоном. Он рассказ мне, кто он такой и откуда знает о наших отношениях. Я ожидал grabuge.

– Грабеж?

Он ожидал грабежа? Что?!

– Merde*. Нет. Как это у вас... уборка?

Тут я захрюкала от смеха.

– Разборка?

– Oui. Разборка. Однако он вел себя как истинный джентльмен. Сказал, что видел фотографии с выставки в Сети и хочет купить их.

– Их? В смысле, все картины?

– Oui.

Алекс сказал это так, словно не находил тут ничего необычного. Мне, напротив, показалось весьма необычным, что мой непритязательный серфингист решил вдруг потратить миллионы на картины... со мной. После его возвращения нам, несомненно, предстояло обсудить, зачем он транжирит тяжким трудом заработанные доллары. Боже, лишь бы он только вернулся.

Я быстро вскочила и прошлась по дому, заглядывая во все комнаты. Больше на меня мои изображения ниоткуда не пялились.

– И...

– Я ответил ему отказом. Я сказал, что он сможет купить лишь одну, и, если он сделает правильный выбор, я продам ему картину.

Господи Иисусе. Алек был очень странным парнем. Сложным, необычным, любящим, непосредственным, требовательным, невероятным в постели, но очевидно странным. С другой стороны, разве не все творческие личности

* Зд: черт возьми (фр.).

такие? Нельзя подогнать их странную натуру под единый стандарт — хотя бы потому, что большинство людей реагируют иначе.

— И?

— Он выбрал правильно. Он выбрал тебя.

От того, как он это произнес, мурашки побежали у меня по предплечьям. Я потеряла их и обхватила себя руками, поскольку рядом не было никого другого, кто мог бы меня обнять.

— Но я на всех картинах, Алек.

— Нет. На других просто какие-то случаи из твоей жизни, из опыта, а на некоторых ты просто играла во имя искусства. Лишь на этой изображена ты, такая как есть, сейчас. И он захотел ее. Так что я позволил ему обладать тобой.

Слово «обладать» прозвучало в его устах странно.

— О чем ты?

— Считай это подарком тебе и ему. Вашей любви.

— Ты подарил моему парню картину, которая стоит четверть миллиона долларов?

— Вообще-то полмиллиона, если быть точными.

— Твою ж мать!

— Миа. Je t'aime. Я все равно собирался отдать тебе половину денег, которые бы за нее выручил. А так у тебя перед глазами каждый день будет прекрасное напоминание о том, кто ты есть. Я в восторге от того, что он повесил картину над вашей кроватью. Лучшее место для нее сложно было придумать.

Я шмыгнула носом, чувствуя, как слезы выступают на глазах.

— Я тоже люблю тебя, ты в курсе? По-нашему.

И я была абсолютно искренна.

Алек рассмеялся.

— Oui. Я знаю, ma jolie.